

UDK 93/94

Search of new forms of creativity by the Russian intelligentsia in the inter-revolutionary period (1905-1917)

Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin^{a,*}, Denis N. Gergilev ^a, Larisa F. Malyutina ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article reviews the issues of creative activity of the art intellectuals in the inter-revolutionary period (1905 – 1917). It is depicted how the transformation of the socio-political situation influenced the nature of the intellectuals' creativity. Ignorance of life, detachment of its realities led to the fact that the creative elite of Russia lived in the virtual world. Lack of knowledge of how ordinary people live resulted in their idealization, belief that having passed through the revolution clarification hardship, they would be spiritually renewed, capable of perceiving the beautiful. The revolution defeat and realization that even in case of its victory the spiritual regeneration of the society would hardly come suddenly and at once, cast the intellectuals down into despondency, apathy and pessimism. This resulted in decadence as a specific form of mentality. Analysis of the causes of the changes shows that they were based on misunderstanding of the essence of events, inability to explain them and to get adapted to them. The processes of social and political life in Russia also affected the art intellectuals of Siberia. However, the search for new forms and ways of artistic expressiveness was not of such deep nature. Fascination with modernism was often temporary or accidental. Both the artists and the audience preferred to follow realistic traditions in art. Sensible, realistic view of life contributed to the fact that the Siberian clerisy rather quickly overcame the mood of decadency and pessimism in its creative activity. This article reviews the examples of the decadence influence on the creative work of the most prominent characters of the artistic clerisy.

Keywords: intellectuals, creativity, revolution, decadence, symbolism, acmeism, futurism, culture, Siberia.

1. Введение

Событием огромной исторической важности для России явилась Первая русская революция 1905-1907 гг. Ее последствия вызвали в стране огромный общественный резонанс. Ответом на революционный террор стал террор правительственный. «Правительство как будто победило. Однако в глубине народных масс, в особенности крестьянских, бродили все-таки опасные пары придушенного недовольства. Глухая борьба между властью и революционерами не прекращалась. То революционерам удавалось убить министра, то властям удавалось зацапать и посадить в тюрьму какого-нибудь опасного революционера» - писал об этом времени в своих воспоминаниях Ф. Шаляпин (Шаляпин, 1991: 148).

Изменения, произошедшие в общественно-политической сфере, привели к изменениям и в художественной жизни России. Российская интеллигенция, осознав бесперспективность насилия как формы решения социальных проблем, на поражение революции отреагировала неоднозначно. Немногие из ее представителей смотрели в будущее с оптимизмом, большинство было повергнуто в уныние и отчаяние, занялось богоискательством и мистикой. Такое мировосприятие нашло свое отражение в декадентстве как особой форме умонастроения российского общества. Разочарование, постигшее интеллигенцию, осознание ею своего бессилия явились следствием реакции, последовавшей после поражения революции. В этой связи декаданс можно рассматривать как явление социально-психологическое, господствовавшее в среде русской интеллигенции в послереволюционный период. Неприятие окружающего мира, подчеркнутый индивидуализм и пессимизм определяли отношение к человеку и в целом взгляд на мир. Декадентские настроения затронули многих представителей

модернистских течений. Общность мировосприятия с позиций эстетизма и мистицизма обеспечивала слияние декадентства с символизмом, вплоть до того, что эти явления рассматривались иногда как тождественные. Символическое искусство было призвано преобразовать мир, найдя более совершенные жизненные формы. В русском эстетическом сознании утверждалось представление о приоритете творчества над познанием, что и предопределило, в конечном счете, пути развития художественной жизни России в целом.

2. Материалы и методы

2.1. В процессе работы над статьей были использованы документы государственных архивов Омской и Иркутской областей, Красноярского края, Российского государственного архива литературы и искусства, воспоминания и мемуары творческой интеллигенции рубежа веков, материалы периодической печати.

2.2. В основе исследования проблемы лежат методы анализа, синтеза и обобщения. Материал, представленный в статье, рассмотрен в контексте общественно-политических и социально-экономических процессов, что отвечает требованиям соблюдения принципа историзма. Использование сравнительно-исторического метода позволило проанализировать процессы, параллельно происходившие в России и Сибири, в статье они рассмотрены в их последовательном развитии, что соответствует проблемно-хронологическому методу исследования.

3. Обсуждение

Творческая интеллигенция России рубежа XIX – XX вв. жила верой в свою мессианскую роль в процессе переустройства страны. Выполнить поставленные перед собой задачи она надеялась посредством искусства. Поэтому интерес к характеру и результатам творческой деятельности художественной интеллигенции в межреволюционный период был высоким всегда. Особую ценность в исследовании данной проблемы представляют свидетельства современников той

эпохи. Они включают в себя журнальные статьи, газетные публикации, мемуары, воспоминания, дневники. Через призму своих отношений с различными представителями творческой элиты дают оценку общественно-политическим и художественным процессам, происходившим в России К. Чуковский (Чуковский, 1958), А. Белый (Белый, 1990), А. Бенуа (Бенуа, 1998), А. Блок (Блок, 1989), В. Брюсов (Брюсов, 1987), К. Станиславский (Станиславский, 1990).

А. Бенуа в «Истории русской живописи XIX века» (Бенуа, 1998) не только писал о своеобразии русского искусства, но и обосновывал позиции художника, с которых он подходил к восприятию действительности. Ценные сведения о жизни и деятельности представителей творческой интеллигенции, рассмотренные в контексте общественно-политических событий происходивших в стране, освещены в монографиях Н. Абалкина (Абалкин, 1954), А. Соловцова (Соловцов, 1969), Д. Когана (Коган, 1970), В. Орлова (Орлов, 1980). Художественные процессы, происходившие в межреволюционный период, освещены в сборнике «Русская художественная культура конца XIX - начала XX века» (РХК, 1980). Большой интерес для исследования проблемы представляет труд К. Мочульского (Мочульский, 1997), посвященный жизни и творчеству А. Блока, А. Белого, В. Брюсова. Книга, написанная в иммиграции, свободна от идеологических штампов.

Ценные сведения для изучения культурной жизни Сибирского региона дают И. Давыденко, 1978), Г. Порхунова (Порхунов, 1993), П. Мешалкина (Мешалкин, 1998), О. Громовой (Громова, 1998), Н. Артамоновой (Артамонова, 2000), И. Деветьяровой (Деветьярова, 2000).

Культурная жизнь России рубежа XIX – XX вв. исследовалась зарубежными исследователями. Отражение символизма во всех видах искусства стало предметом рассмотрения коллективом французских авторов (Кассу и др., 1998). Несомненный интерес для анализа художественных течений представляет работа Дж. Кристиана (Кристиан, 2000). Современные иностранные ученые касаются в

своих исследованиях судеб сибирского областничества (Pereira, 1993), языка и религии в Сибири (Graber, Murraru, 2015), интеллигенции России (Finkel, 2003), образа Сибири глазами иностранных авторов (Schumann, 2010).

Современные исследователи внесли большой вклад в изучение творчества русской интеллигенции в межреволюционный период. Они существенно дополнили разработанные ранее материалы о художественной жизни России. Однако, неоднозначность и противоречивость эпохи «серебряного» века в культурном плане постоянно требует осмысления накопленных знаний и поиска новых подходов в методологии исследования.

4. Результаты

Результатом изменившегося в ходе революционных событий начала XX в. миропонимания интеллигенции явился поиск новых тем для творчества, центральными из которых становятся темы России и ее народа. Для развития новых идей были необходимы новые формы художественной выразительности. В результате поиска этих форм появились новые модернистские течения, возникшие в послереволюционный период. «1907 год – ознаменован победой модернизма в мелкобуржуазных кругах; до 1907 года мы – отщепенцы; читатели наши - оторванцы разных классов, несколько десятков эстетов типа Мамонтова» - отмечал А. Белый (Белый, 1990: 172). Изживал себя, просуществовав два десятилетия, символизм. Попытки В. Иванова и Г. Чулкова организовать новую литературную школу, основанную на «мистическом анархизме» не нашли понимания у В. Брюсова и привели к расколу течения. Оппозиционно настроенные по отношению к символизму молодые поэты организовали новое литературное объединение – «Цех поэтов». Лидерами течения стали Н. Гумилев. С. Городецкий. К ним присоединились А. Ахматова, О. Мандельштам, М. Зенкевич и В. Нарбут. На одном из заседаний было объявлено название нового течения – акмеизм. Акмеисты выдвинули свою эстетическую программу, у них было свое представление о гармонии и красоте, которым они хотели поделиться с

миром. Однако, возвращаясь к предметному миру, они продолжали отстаивать позиции эстетизма. Основными принципами акмеизма являлись отказ от решения социальных проблем и борьба за изменения мира (Гумилев, 1992: 405-409). Расценивая кризис символизма как кризис искусства индивидуалистического, акмеисты стремились сделать язык поэзии более понятным и доступным, освободить его от символов и иносказаний. Они порывают с символизмом. Но В. Брюсов, не отказывая акмеистам в «большом мастерстве», утверждал, «акмеизм – родное дитя символизма», что «их новаторские теории не вязались с практикой, а практика ранних акмеистов была чисто символическая» (Брюсов, 1987: 272, 287).

Принципиально новым явлением в художественной жизни России стал футуризм. Претендуя на вселенский масштаб, футуристы объявили себя единственно стоящими поэтами Вселенной. Отвергая классику, ниспровергая все авторитеты, ругали футуристы и современных поэтов. Больше всех доставалось символистам, непримиримым критиком которых был В. Маяковский. А. Блок записал в своем дневнике: «На вчерашней афише стояло: освобождение литературы из той грязи, в которую посадили ее Андреев, Сологуб, Блок и пр.» (Блок, 1989: 193). Отрицание наследия прошлого вылилось в анархический бунт против действительности. Каким должно быть новое искусство – неизвестно. Ясно было только одно: оно должно быть непохоже на все, что уже было. В. Брюсов отмечал, что среди футуристов «было мало подлинных поэтических дарований». Они «не только избегали в своих стихах мысли, но прямо любовались бессмысленностью их». В результате этого вместо поэзии получалось «невразумительное сочетание звуков и букв» (Брюсов, 1987: 262). В погоне за словотворчеством футуристы отрывали слово от смысла. Процесс творчества для них становился важнее результатов самого творчества.

Исключением в среде поэтов - футуристов, безусловно, является фигура В. Маяковского. Он быстро перерос футуризм с его ограниченными

возможностями. Первым заметил и оценил талант поэта А. Блок. М. Горький, отвергая футуризм как литературное течение, познакомившись с поэзией Маяковского, утверждал, что никакого футуризма в его стихах нет. И. Репин с «огненной ненавистью» относившейся к футуристам, по воспоминаниям Маяковского, прослушав чтение его поэмы «Облако в штанах» на даче у К. Чуковского, никак не хотел признать в нем футуриста и даже предложил написать его портрет (Михайлов, 1988: 131). В силу своей социальной и философской ограниченности футуризм не мог решить общественных задач или дать что-либо обществу в морально-нравственном плане. «О модернистах я боюсь, что у них нет стержня, а только – талантливые завитки вокруг пустоты» – записал в своем дневнике А. Блок (Блок, 1989: 140). На огульном отрицании прошлого нельзя построить ни искусства настоящего, ни искусства будущего.

Однако не все представители новых течений отрицательно относились к уже зарекомендовавшей себя реалистической школе. Несомненное уважение и почтение к корифеям русской живописи испытывали «мирискусники». А. Бенуа в своих воспоминаниях писал «о том престиже, которым пользовался в нашей компании, и особенно у меня, наш неоспоримо великий художник». А. Бенуа имел в виду И. Репина, со стороны которого находил понимание и «самый пламенный отклик на многие тогдашние увлечения» (Бенуа, 1998: 49). Но понимание нового у представителей старой школы имело свои пределы. Когда на одном из балов появилась Анна Бенуа в белом шелковом платье и большой соломенной шляпе с розовым страусовым пером, оба художника, А. Бенуа и К. Сомов, восхищенные ею, решили «увековечить» ее в этом наряде. К. Сомов первоначально решает «просто и реально передать видимость». Но в процессе работы под влиянием поэзии Гофмана за спиной Анны вырос старинный, погруженный в сумерки сад, а в глубине на фоне почти черной листвы появились две фигуры старичка и старушки в одеждах XVIII в. По мнению Бенуа, «все это вместе создавало очень нежную поэтичность». Произведение имело успех. Однако И. Репин своим

учеником был недоволен, его возмущала сама затея, «отступление от реализма». «В критике Репина уже звучало то самое непонимание новых веяний, которое через год или два обострилось и довело его к резкому, даже к возмущенному «отвержению» всего нашего «декадентства» (Бенуа, 1998: 85).

Искусство модернизма коснулось Сибири не столь полномасштабно. «Провинция мало интересовалась нами» - отмечал в своих мемуарах А. Белый (Белый, 1990: 172). Сибирские писатели, не проявляя творческой самостоятельности, часто подражали авторскому стилю своих российских коллег. Так В. Шишков заимствовал сказочную манеру повествования Ремизова в своей символической сказке «Кедр», опубликованной в томской газете «Сибирская жизнь» в 1908 г. (Русские писатели, 1990: 413). Через увлечение Бальмонтом в своем раннем творчестве прошли поэты Г. Вяткин и П. Драверт. Однако в журналах В. Долгорукова «Сибирский наблюдатель» и «Сибирские отголоски» Г. Вяткин пишет стихи и статьи о Горьком и выступает против декаданса в литературе. Анализируя стихи З. Гиппиус и К. Бальмонта, Г. Вяткин заявил, что их творчество стоит за гранью подлинного искусства, и что это - «бред извращенной души, извращенного разума» (Вяткин, 1905: 193). Большое влияние поэзии В. Брюсова и А. Блока испытывали на себе молодые писатели из политссыльных – В. Прусак, К. Журавский, Н. Комова. Они организовали в 1915 г. в Иркутске литературный журнал «Багульник», в котором печатали свои стихи, носившие в основном подражательный характер. Недолгим было увлечение символизмом писателя А. Сорокина. Писатель быстро отходит от символизма, называя его в одной из статей «суррогатом для дураков» (ГАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 35 Л. 13). Мотивы одиночества, отчаяния и тоски практически постоянно присутствовали в послереволюционный период в творчестве поэта И. Тачалова. Это мироощущение поэта являлось результатом влияния декаданса и тяжелых условий жизни, в которых он пребывал. Единственным последовательным защитником модернизма среди представителей сибирской литературы был

томский литератор И. Иванов. Поэт занимался словотворчеством и его стихи публике были малопонятны. В защиту модернизма он выступал как публично, так и в своих статьях.

С критикой модернизма и футуризма выступала томская газета «Утро Сибири». Редактор газеты В. Воложанин в 1912 г. опубликовал программную статью «Модернизм и сибирские поэты», в которой назвал это явление уродливым и утверждал, что модернизм не приживется в Сибири. Выступление В. Воложанина на собрании литературно-музыкально-драматического общества с докладом «Футуризм в литературе», в котором критиковался модернизм, было поддержано публикой. Не имела успеха и лекция К. Бальмонта «Поэзия как волшебство», прочитанная им в Омске во время его визита к проживавшему в городе брату (Вибе и др. 1994: 26). В 1916 г. «Сибирская жизнь» писала: «Сибирской интеллигенции далеко до самодовлеющей красоты. Она занята новой переоценкой общественно-политических ценностей. Устами своей прессы она единодушно отрицает и декадентство, и символизм, и футуризм» (Сибирская жизнь, 1916, 12 окт.). Специфика сибирского характера, особенности мировосприятия сибиряков, сами условия быта не способствовали развитию отвлеченных, оторванных от жизни форм искусства.

Изменения в общественно-политической обстановке в послереволюционной России привели к возникновению сложных процессов в изобразительном искусстве. Художники группы «Бубновый валет» по восприятию действительности и ее художественному осмыслению были близки к поэтам-футуристам. Насмехаясь над устоявшимися вкусами «Бубновый валет» эпатировал общество. На скандальных выступлениях художников в Политехническом музее часто присутствовал В. Маяковский. Первая их выставка состоялась в 1910 г. Она была открыта в сарае, картины развешивались без рам. Прообразом ее должен был послужить балаган, ярмарка, народное гуляние. Барьеры между зрителем и искусством убирались. Зритель, по мнению

художников, должен был стать соучастником художественного процесса. Новая образность их картин строилась на основе народного художественного наследия и фольклора. «Достоинство еще в другом: искусство должно быть вынесено на улицу, в народ, в толпу, и это они делают, правда, очень уродливо, но это простить можно. Они молоды...молоды. Их породила сама жизнь, наши современные условия» - писал М. Горький (Горький, 1915: 3). Когда «бубнововалетцы» привезли свои картины в 1911 г. в Томск, и сибирский зритель смог воочию увидеть почти материальные натюрморты Машкова, реакция его была неоднозначной. Выставку посещали, о ней много спорили, но модернистское искусство было слишком новым для Сибири, чтобы быть безоговорочно воспринятым. В столицах же новое художественное направление было признано зрителем и критикой относительно быстро, и его методы борьбы за популярность утратили свою актуальность. В 1916 г. состоялась последняя выставка «Бубнового валета», после которой объединение прекратило свое существование.

Нужно отметить, что никогда еще русское искусство не было столь декларативным и противоречивым как в межреволюционный период. Художники как будто сами не вполне осознавали, что же им нужно. Эта неопределенность в своих позициях и исканиях нашла отражение в деятельности художников русского авангарда, идеи которого нашли свое воплощение в творчестве групп «Ослиный хвост» и «Голубая роза». С одной стороны художники всячески демонстрировали свое пренебрежение к публике и выступали за безграничный индивидуализм. С другой стороны они имели постоянное желание выставляться, комментировать и разъяснять содержание своих картин, то есть выказывали свою зависимость от публики, мнение которой им было небезразлично.

Художественную жизнь Сибири модернистские поиски затронули незначительным образом. Сибиряки традиционно придерживались реалистических взглядов на жизнь. «Главной проблемой для них оставался поиск

средств новой художественной выразительности, выработке оригинальной традиции, основанной на своем самобытном восприятии мира» (Gryaznukhina et al., 2017). Но все же влияние модернизма не могло не коснуться творческой интеллигенции Сибири. Увлечение писателя и талантливого художника А. Сорокина символизмом ограничивалось в основном использованием аллегорий. Одна из его символических картин называется «Там, где были мысли». Она изображает череп, из которого растут цветы (ГАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 227. Л. 94). Талантливый график В. Эттель, тяготея к модерну, при оформлении коллективного сборника писателей Омска «Жертвам войны» и иркутского журнала «Багульник» взял за образец рисунки журнала «Золотое руно», стоявшего на позициях символизма. Символистический характер носили работы скульптора-самоучки из Иркутска И. Жукова. По своей тематике они перекликались с творчеством Ф. Сологуба. Героями его были потусторонние сказочные существа: чудища, шельмы, духи зла, старый ворон, птицы вещие. Они олицетворяли темные стороны человеческой души, все то, что мешает человеку быть светлым и чистым. Тема смерти, ее неизбежности также находила отражение в его творчестве. Скульптура «У обрыва жизни» представляла собой группу людей, которые простирают руки к небу, их лица искажены перед страхом смерти. Но ведь и жизнь не лучше. Этот тезис он утверждает скульптурной композицией «У жизни в лапах». Страшное огромное чудовище символизирует жизнь, из его объятий пытается вырваться молодая женщина. Но куда? Из объятий жизни – в объятия смерти? (ГАИО. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 342. Л. 18). Через поэтику символизма художник выражал свой протест против зла и несправедливости, подавая свой голос в защиту униженных и оскорбленных. Позитивные мотивы в его творчестве звучали лишь при изображении детей, которых еще не коснулись жизненные проблемы. В 1906 г. в Петербурге была устроена выставка произведений Жукова. И с этого времени начинается его популярность. На московской выставке 1912 г. было представлено 200 работ художника и почти все они были проданы.

Философское осмысление жизни было характерно для талантливого самоучки из Красноярск А. Попова. Работая в городском училище искусств в качестве учителя, он с трудом пробивал себе дорогу. Свое творчество он совершенствовал, используя советы В. Сурикова во время приездов художника на родину. Особое значение А. Попов придавал портрету, в котором можно выразить душевное состояние человека, особенности его характера. Он создал бюсты Пирогова, Л. Толстого, апостола Петра, из мрамора вырезал голову Христа в терновом венце (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 356). Особый интерес представляет его работа, выполненная из глины «Ищу человека». Художник изобразил греческого философа Диогена с фонарем в руке. Среди людского моря он ищет человека чистосердечного, искреннего, духовно прекрасного. Красноярский художник Д. Каратанов, напротив, стоял на позициях реализма. Писал он в основном пейзажи и представителей национальных меньшинств, с которыми встречался во время своих многочисленных путешествий по Сибири.

Новый тип художественного мышления рубежа веков нашел свое воплощение и в неопримитивизме. Направление это, начавшее развиваться в межреволюционный период, было основано на фольклорном искусстве. Наиболее яркое неопримитивизм нашел свое отражение в творчестве М. Ларионова и Н. Гончаровой. А. Лентулов пытается соединить систему кубизма с русским фольклором, фреской и лубком. Центральной темой его творчества становится старая русская архитектура.

В стиле лубка на выставке в Иркутске в 1915 г. представили свои работы сибирские футуристы. Но, по свидетельству историка И. Серебренникова, выставка посещалась плохо, выручка была небольшой. Посетители охотнее рассматривали экспозиции соседних залов, в которых были представлены трофеи текущей войны. Видимо, творческий уровень выполненных футуристами работ не соответствовал потребностям общества и не нашел у него своего отклика. Заимствуя эстетические направления, господствовавшие в художественной жизни

столиц, сибирские художники в силу недостатка профессиональных навыков не могли воплотить их в своем творчестве на должном уровне.

Духовный кризис русской интеллигенции, в котором она оказалась после поражения революции 1905-1907 гг., ее внутренние метания, страх перед революцией и надежда на очищение в ее огне, вера в нравственное перерождение человека, прошедшего через испытания, нашли свое отражение в сценической постановке пьесы Метерлинка «Сестра Беатриса». Героиня, покинувшая стены монастыря, возвращается обратно, не найдя в мире ни гармонии, ни счастья.

Опираясь на традиции площадного народного искусства с его зрелищностью и динамикой, сочетая формы агитационного публичного театра с традициями классической драмы, используя элементы гротеска, отстраненности, условности, мистики Мейерхольд в 1906 г. поставил «Балаганчик» Блока. Эта новаторская постановка постоянного успеха не имела. Зрители разделились на два лагеря: одни принимали спектакль, другие – нет. Ф. Комиссаржевский, режиссер театра Незлобина говорил: «...натуралистический театр я отрицаю, так как... театр создан перестраивать жизнь, вести за собой к прекрасному». Режиссер театра Корша А. Загаров, напротив, отрицал модернизм Мейерхольда. Он считал, что театр должен показывать «не отражение жизни, а саму жизнь на сцене» (ЦГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 3457. Л. 35). Не мог для себя однозначно решить эту проблему и сам автор пьесы. В 1907 г. он выступил со статьями против постановок Мейерхольда. Его симпатии теперь были полностью на стороне Художественного театра. Поэт восторгался постановками Станиславского, его «здоровым реализмом». Сам Станиславский предпринимал попытки постановок пьес Блока, но эти попытки не имели успеха (ЦГАЛИ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1. Л. 1). В 1914 г. силами своей студии Мейерхольд задумал поставить впервые «Незнакомку» и заново «Балаганчик». Блок к этой затее отнесся равнодушно. Вместо «здорового реализма» Станиславского, ему опять предлагалась «мейерхольдия», в которой он «вял». Поэт удивлялся: «Почему они-то меня любят? За прошлое и настоящее,

боюсь, что не за будущее, не за то, чего хочу» (Орлов, 1980: 511).

Не нашел своей опоры модернизм в театральном искусстве Сибири. Обзор сибирской прессы красноречиво говорит об этом. Рецензент «Омского вестника» писал в 1909 г.: «Провинция далеко стояла от исканий «нового театра» с его теориями модернизма, стилизации, упрощения, «смерти быта», «оголения идеи в символе» и т. д. Она стояла вне битвы «за» и «против» режиссерской диктатуры» (Омский вестник, 1909, 31 мая). «Духовное здоровье сибиряков» в 1900-е гг. Горький противопоставлял модернистским течениям, господствовавшим в России (ОРЛС, 1982: 15). Мировоззренческие позиции сибирской интеллигенции отражались в искусстве самым непосредственным образом. «В Сибири фактически отсутствовало дворянское сословие, а сословный состав сибирской интеллигенции был представлен в основном разночинцами и купечеством» (Karchaeva et al., 2017). Прагматизм, конкретно-предметное восприятие жизни способствовали тому, что ведущим направлением в искусстве Сибири продолжал оставаться реализм. Труппы антрепренеров П. Медведева, С. Брагина, М. Каширина, А. Аярова, З. Ковалевой имели успех и выдерживали по несколько сезонов благодаря тому, что придерживались классического репертуара и стояли на реалистических позициях. Борьба сибиряков за реализм в искусстве, за правдивость и естественность актерской игры доходила иногда до того, что актеры поворачивались к зрителю спиной и так вели целые сцены, чтобы все было как в жизни (Ландау, 1950: 24).

Разочарование, испытанное интеллигенцией после поражения революции 1905 г. вылилось в ее самоустранении от общественной жизни. Многие из ее представителей занялись религиозной философией, создавали мистические произведения. Религия и философия становятся модными увлечениями в обеих столицах. В теософские и оккультные науки погрузился А. Белый. С. Рахманинов в 1906-1907 гг. создал романс на слова Д. Мережковского «Христос воскрес», в котором говорится о ненависти, о мире, залитом слезами и кровью. В 1907 г. он

создал 2-ю симфонию. Неторопливая и повествовательная, вся она пронизана трагическим чувством одиночества. Основная тема его музыкальной поэмы «Остров мертвых» - покой, кроме которого ничего нет. Тяготеющий к греческой архаике Л. Бакст в 1908 г. создал картину «Древний ужас», особо популярную у символистов. Ощущение вселенской катастрофы передает грозное небо, бушующее море, освещенное молниями. Загадочная застывшая улыбка коры, представленной на фоне разыгравшейся стихии, не предвещает ничего хорошего. И не случайно, что именно образ мятущейся чайки становится символом настроения интеллигенции того времени. Безотрадная тоска и надежда на что-то лучшее воплотились в образе птицы, которая мечется над бескрайнем простором моря. Поэтому, видимо, именно этот сюжет выбирает красноярский художник Д. Каратанов, когда в 1910 г. создал панно для художественно-этнографического вечера (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 356. Л. 100).

Сибирская театральная интеллигенция на кризисные явления послереволюционного периода откликнулась мистическими драмами Л. Андреева, Ф. Соллогуба, философские вопросы призваны были разрешить трагедии В. Шекспира, постановки сцен из романов Ф. Достоевского. Однако реалистические традиции сибирского театра быстро взяли свое. В сезоны 1908-1912 гг. практически на всех сценах Сибири преимущественно ставили пьесы Л. Толстого, А. Островского, А. Чехова, М. Горького. Осваивают сибиряки в это время и новый для себя оперный жанр. Красноярский музыкант П. Иванов создал оперу для детей «Царевна-земляничка», имевшую успех у зрителей. Веселый, забавный спектакль говорит и о настроении композитора его написавшего. Деятельное начало, присущее сибирской интеллигенции, ее близость к народу и понимание его помогли ей быстрее справиться с настроениями упадка и пессимизма, нежели художественной интеллигенции столиц.

5. Заключение

Творческая интеллигенция свою миссию видела в том, чтобы посредством

искусства, творцом которого она являлась, формировать нравственные принципы и устои русского общества, приближая его к новозаветному идеалу. Желание поменять жизненные ориентиры современного общества объединяло всю интеллигенцию. Вера в революцию как очищающую силу внушала оптимистические надежды на будущее, осуществиться которым, однако, было не суждено.

Потерпевшая поражение революция 1905-1907 гг. принципиальным образом не изменила жизнь общества. Не дала она ответ и на вопрос, каким должно быть новое искусство, чтобы изменить человека, сделать его лучше. Но в то же время, революция вывела на сцену жизни народные массы, показав интеллигенции все сокрушающую стихийную силу народного бунта. Она способствовала переосмыслению роли народа в исторической судьбе России, что отразилось в творчестве интеллигенции появлением гражданских и патриотических тем.

Несколько иначе общественно-политические процессы, проходящие в России на рубеже столетий, отразились в творчестве сибирской интеллигенции. Если в центральной России творческий процесс разрастался вглубь, что выражалось в поиске новых форм и направлений, в попытках глубже понять и осмыслить действительность, то в Сибири все усилия интеллигенции были направлены на решение насущных проблем: на развитие художественного образования, организацию художественных школ и училищ, приобретение музыкальных инструментов для образующихся оркестров, подготовку доморощенных специалистов.

Творческая интеллигенция центральной России прошла через серьезные увлечения символизмом, акмеизмом, футуризмом. В Сибири же господствующим течением всегда оставался реализм. Этому способствовали особенности мировоззрения сибирской интеллигенцией, ее трезвый взгляд на жизнь. Новые культурные веяния, проникающие из столиц в Сибирь, переплетаясь с местным традиционным миропониманием сибиряков, способствовали становлению у них

своеобразного эстетического восприятия мира. Реалистический метод изложения художественного материала, в понимании сибиряков, был более доступен для восприятия, чем символические, акмеистические и футуристические изыски.

Высокий уровень одаренности и интеллектуального развития художественной интеллигенции отразился в результатах ее творчества, которые и сейчас являются достижениями русской культуры. Не имея внятной социально-политической программы, интеллигенция выдвинула свою эстетическую программу по переустройству мира. Она верила, что искусство способно преобразовать мир и поэтому остро чувствовала ответственность за судьбу страны. Это осознание своей огромной ответственности было определяющим в судьбе творческой интеллигенции и обусловило ее роль как выразительницы русского самосознания.

Литература

Абалкин, 1954 – *Абалкин Н.* Система Станиславского и советский театр. М.: Иск-во, 1954. 393 с.

Артамонова, 2000 – *Артамонова Н. Я.* Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (конец XIX – середина XX вв.). М.: Прометей, 2000. 237 с.

Белый, 1990 – *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. 670 с.

Бенуа, 1998 – *Бенуа А. Н.* История русской живописи в XIX веке. М., 1998. 448 с.

Блок, 1989 – *Блок А. А.* Дневник. М., 1989. 512 с.

Брюсов, 1987 – *Брюсов В. Я.* Смысл современной поэзии // В Политехническом «Вечер ново поэзии». Статьи. Манифесты. Воспоминания. М., 1987. С. 254 – 269.

Вибе и др., 1994 – *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. 320 с.

Вяткин, 1905 – *Вяткин Г.* Библиография // *Сибирский наблюдатель*. 1905. № 1 – 2. С. 188 – 193.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ГАОО – Государственный архив Омской области.

Гордович, 1997 – *Гордович К.Д.* История отечественной литературы XX века. СПб., 1997. 320 с.

Горький, 1915 – *Горький М.* О русском футуризме // *Журнал журналов*. 1915. № 1. С 3 – 4.

Громова, 1998 – *Громова О.В.* Из истории театральной жизни г. Красноярска (1874 – 1917). Красноярск. 1998. 13 с.

Гумилев, 1992 – *Гумилев Н.С.* Наследие символизма и акмеизм // Стихи. Проза. Иркутск. 1992. С. 405 – 409.

Деветьярова, 2000 – *Деветьярова И.Г.* Художественная жизнь Омска XIX – первой половины XX века. Омск. 2000. 144 с.

Кассу и др., 1998 – *Кассу Ж., Брюнель П., Клодон Ф. и др.* Энциклопедия символизма. Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка. М., 1998. 429 с.

Ковалевская, 1983 – *Ковалевская Т.М.* Русский реализм и проблема идеала. М., 1983. 304 с.

Коган, 1970 – *Коган Д.З.* Мамонтовский кружок. М., 1970. 220 с.

Кристиан, 2000 – *Кристиан Д.* Символисты и декаденты. М., 2000. 91 с.

Ландау, 1950 – *Ландау С.Г.* Из истории драматического театра в Омске (1765 – 1946 гг.). Омск. 1950. 156 с.

Мешалкин, 1998 – *Мешалкин П.Н.* Одержимые. О деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX – XX вв. Красноярск. 1998. 160 с.

Михайлов, 1988 – *Михайлов А.* Маяковский. М., 1988. 560 с.

Мочульский, 1997 – *Мочульский К.В.* А. Блок, А. Белый, В. Брюсов. М., 1997.

479 с.

Орлов, 1980 – *Орлов В.* Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980. 725 с.

ОРЛС, 1982 – Очерки русской литературы Сибири 1982 – Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Новосибирск. 1982. 606 с.

Порхунов, 1993 – *Порхунов Г.А.* Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905 – 1914 гг.). Омск. 1993. 194 с.

Рудницкий, 1981 – *Рудницкий К.* Мейерхольд. М., 1981. 423 с.

Русские писатели, 1990 – – Русские писатели: библиографический словарь. Ч. 2. М.: Просвещение, 1990. 874 с.

РХК, 1980 – Русская художественная культура конца XIX – начала XX века (1908 – 1917). Кн. 4. М., 1980. 495 с.

Соловцов, 1969 – *Соловцов А. С.В.* Рахманинов. М., 1969. 175 с.

Станиславский, 1980 – *Станиславский К.С.* Моя жизнь в искусстве. М., 1989. 430 с.

Стернин, 1984 – *Стернин Г.Ю.* Русская художественная культура второй половины XIX – начала XX века. М., 1984. 296 с.

Трушкин, 1985 – Трушкин В.П. Пути и судьбы

ЦГАЛИ – Центральный Государственный архив литературы и искусства.

Чуковский, 1958 – *Чуковский К.И.* Из воспоминаний. М., 1958. 363 с.

Шаляпин, 1991 – *Шаляпин Ф.И.* Маска и душа. М., 1991. 319 с.

Яневская, 1983 – *Яневская С.В.* Омский драматический. Омск. 1983. 192 с.

Finkel, 2003 – *Finkel S.* Purging the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia. // *Russian Review*. 2003. Vol. 62. Iss. 4. pp. 589-613.

Graber, Murray, 2015 – *Graber K.E., Murray J.D.* The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s. *Slavic Review*, 2015. Vol. 74 (1), pp. 127–152.

Gryaznukhina et al., 2017 – *Gryaznukhina T.V., Sejtkanova A.A., Gryaznukhin*

A.G. et al. *Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917)* . *Bylye Gody*, 2017, Vol. 44, Is. 2. Pp. 625 – 634.

Karchaeva et al., 2017 – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D.* Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43. Is.1. pp. 86-93.

Pereira, 1993 – *Pereira N.G.O.* The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia // *Russian History*, 1993, Vol. 20. Is. 4. pp. 163-178.

Schumann, 2010 – *Schumann D.* Between trauma and dream: Images of Siberia in texts by Wacław Sieroszewski and Hanna Krall. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 2010. Vol. 67. Is. 2. pp. 335–375.

References

Abalkin, 1954 – Abalkin N. Sistema Stanislavskogo i sovetskii teatr [The Stanislavsky system and the Soviet theater]. Moscow, 1954. 393 p. [In Russian].

Artamonova, 2000 – Artamonova N. Ya. Intelligentsiya Vostochnoi Sibiri: opyt formirovaniya i deyatel'nosti (konets XIX – seredina XX vv.) [Intelligentsia of Eastern Siberia: experience of formation and activity (end of XIX – XX centuries the middle)]. Moscow, 2000. 237 p. [In Russian].

Belyi, 1990 – Belyi A. Mezhdru dvukh revolyutsii [Between the two revolutions]. Moscow, 1990. 670 p. [In Russian].

Benua, 1998 – Benua A. N. Istoriya russkoi zhivopisi v XIX veke [The history of Russian painting in the XIX century]. Moscow, 1998. 448 p. [In Russian].

Blok, 1989 – Blok A. A. Dnevnik [Diary]. Moscow, 1989. 512 p. [In Russian].

Bryusov, 1987 – Bryusov V. Ya. Smysl sovremennoi poezii // V Politekhnikheskom «Vecher novo poezii». Stat'i. Manifesty. Vospominaniya [The Meaning of modern poetry // At the Polytechnic "an Evening of new poetry". Articles. Manifestos. Memory lane]. Moscow, 1987. Pp. 254 – 269. [In Russian].

Vibe i dr., 1994 – Vibe P. P., Mikheev A. P., Pugacheva N. M. Omskii istoriko-

kraevedcheskii slovar' [Omsk state history dictionary]. Moscow, 1994. 320 p. [In Russian].

Vyatkin, 1905 – Vyatkin G. Bibliografiya // Sibirskii nablyudatel' [Bibliography // Sibirskiy observer]. 1905. № 1 – 2. Pp. 188 – 193. [In Russian].

GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State archive of Irkutsk region].

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State archive of the Krasnoyarsk territory].

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti [State archive of the Omsk region].

Gordovich, 1997 – Gordovich K.D. Istoriya otechestvennoi literatury XX veka [History of Russian literature of XX century]. Saint-Petersburg, 1997. 320 p. [In Russian].

Gor'kii, 1915 – Gor'kii M. O russkom futurizme // Zhurnal zhurnalov [On Russian futurism // Journal of journals]. 1915. № 1. Pp 3 – 4. [In Russian].

Gromova, 1998 – Gromova O.V. Iz istorii teatral'no zhizni g. Krasnoyarska (1874 – 1917) [From the history of the theatrical life of the city of Krasnoyarsk (1874 – 1917)]. Krasnoyarsk, 1998. 13 p. [In Russian].

Gumilev, 1992 – Gumilev N.S. Nasledie simvolizma i akmeizm // Stikhi. Proza [The heritage of symbolism and Acmeism // Poetry. Prose]. Irkutsk. 1992. Pp. 405 – 409. [In Russian].

Devet'yarova, 2000 – Devet'yarova I.G. Khudozhestvennaya zhizn' Omska XIX – pervoi poloviny XX veka [Artistic life of Omsk of the XIX – first half of XX century]. Omsk. 2000. 144 p. [In Russian].

Kassu i dr., 1998 – Kassu Zh., Bryunel' P., Klodon F. i dr. Entsiklopediya simvolizma. Zhivopis', grafika i skul'ptura. Literatura. Muzyka [Encyclopedia of symbolism. Painting, graphics and sculpture. Literature. Music.]. Moscow, 1998. 429 p. [In Russian].

Kovalevskaya, 1983 – Kovalevskaya T.M. Russkii realizm i problema ideala [Russian realism and the problem of the ideal]. Moscow, 1983. 304 p. [In Russian].

Kogan, 1970 – Kogan D.Z. Mamontovskii kruzhok [Mamontov circle]. Moscow, 1970. 220 p. [In Russian].

Kristian, 2000 – Kristian D. Simvolisty i dekadenty [The Symbolists and decadents]. Moscow, 2000. 91 p. [In Russian].

Landau, 1950 – Landau S.G. Iz istorii dramaticheskogo teatra v Omske (1765 – 1946 gg.) [From the history of the drama theatre in Omsk (1765 – 1946)]. Omsk, 1950. 156 p. [In Russian].

Meshalkin, 1998 – Meshalkin P.N. Oderzhimye. O deyatelyakh kul'tury Krasnoyarska na rubezhe XIX – XX vv [Obsessed. About the figures of culture of Krasnoyarsk at the turn of XIX – XX centuries]. Krasnoyarsk, 1998. 160 p. [In Russian].

Mikhailov, 1988 – Mikhailov A. Mayakovskii [Mayakovsky]. Moscow, 1988. 560 p. [In Russian].

Mochul'skii, 1997 – Mochul'skii K.V. A. Blok, A. Belyi, V. Bryusov. M., 1997. 479 p. [In Russian].

Muratov, 1974 – Muratov P. Izobrazitel'noe iskusstvo Tomska [Fine arts of Tomsk]. Novosibirsk, 1974. 80 p. [In Russian].

Orlov, 1980 – Orlov V. Gamayun. Zhizn' Aleksandra Bloka [The Life Of Alexander Blok]. Leningrad, 1980. 725 p. [In Russian].

ORLS, 1982 – Ocherki russkoi literatury Sibiri 1982 – Ocherki russkoi literatury Sibiri [Essays on Russian literature of Siberia]. T. 1. Novosibirsk, 1982. 606 p. [In Russian].

Porkhunov, 1993 – Porkhunov G.A. Gorodskie demokraticheskie sloi naseleniya Sibiri v obshchestvenno-politicheskom dvizhenii (1905 – 1914 gg.) [Urban democratic strata of the population of Siberia in the socio-political movement (1905 – 1914)]. Omsk, 1993. 194 p. [In Russian].

Rudnitskii, 1981 – Rudnitskii K. Meierkhol'd [Meyerhold]. Moscow, 1981. 423 p.

[In Russian].

Russkie pisateli, 1990 – Russkie pisateli: bibliograficheskii slovar' [Russian writers: bibliography dictionary]. Ch. 2. Moscow, 1990. 874 p. [In Russian].

RKhK, 1980 – Russkaya khudozhestvennaya kul'tura kontsa XIX – nachala XX veka (1908 – 1917) [Russian artistic culture of the late XIX – early XX century (1908-1917)]. Kn. 4. Moscow, 1980. 495 p. [In Russian].

Solovtsov, 1969 – Solovtsov A. S.V. Rakhmaninov [Rachmaninov]. Moscow, 1969. 175 p. [In Russian].

Stanislavskii, 1980 – Stanislavskii K.S. Moya zhizn' v iskusstve [My life in art]. Moscow, 1989. 430 p. [In Russian].

Sternin, 1984 – Sternin G.Yu. Russkaya khudozhestvennaya kul'tura vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Russian artistic culture of the second half of XIX – early XX century]. Moscow, 1984. 296 p. [In Russian].

Trushkin, 1985 – Trushkin V.P. Puti i sud'by [Ways and destinies]. Moscow, 1985. [In Russian].

TsGALI – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Central state archive of literature and art].

Chukovskii, 1958 – Chukovskii K.I. Iz vospominanii [From the memories]. Moscow, 1958. 363 p. [In Russian].

Shalyapin, 1991 – Shalyapin F.I. Maska i dusha [The Mask and the soul]. Moscow, 1991. 319 p. [In Russian].

Yanevskaya, 1983 – Yanevskaya S.V. Omskii dramaticheskii [Omsk drama]. Omsk, 1983. 192 p. [In Russian].

Finkel, 2003 – *Finkel S.* Purging the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia. // *Russian Review*. 2003. Vol. 62. Iss. 4. pp. 589-613.

Graber, Murray, 2015 – *Graber K.E., Murray J.D.* The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s. *Slavic Review*, 2015. Vol. 74 (1), pp. 127–152.

Gryaznukhina et al., 2017 – *Gryaznukhina T.V., Sejtkanova A.A., Gryaznukhin A.G. et al. Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917) . Bylye Gody*, 2017, Vol. 44, Is. 2. Pp. 625 – 634.

Karchaeva et al., 2017 – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D.* Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43. Is.1. pp. 86-93.

Pereira, 1993 – *Pereira N.G.O.* The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia // *Russian History*, 1993, Vol. 20. Is. 4. pp. 163-178.

Schumann, 2010 – *Schumann D.* Between trauma and dream: Images of Siberia in texts by Wacław Sieroszewski and Hanna Krall. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 2010. Vol. 67. Is. 2. pp. 335–375.

УДК 93/94

Поиск новых форм творчества российской интеллигенцией в межреволюционный период (1905 – 1917 гг.)

Татьяна Владимировна Грязнухина ^а, Александр Григорьевич Грязнухин ^{а *},
Денис Николаевич Гергилев ^а, Лариса Федоровна Малютина ^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, посвященные творческой деятельности художественной интеллигенции в межреволюционный период (1905 – 1917 гг.). Показано как изменение общественно-политической ситуации повлияло на характер творчества интеллигенции. Незнание жизни, оторванность от ее реалий привели к тому, что творческая элита России жила в созданном ею мире. Незнание народа привело к его идеализации, вере в то, что пройдя через очищающее горнило революции, он выйдет духовно обновленным,

способным к восприятию прекрасного. Поражение революции и осознание того, что даже в случае её победы духовное перерождение общества едва ли наступило бы вдруг и сразу, повергло интеллигенцию в состояние уныния, апатии и пессимизма. Это состояние нашло свое выражение в декадансе как особой форме умонастроения. Анализ причин, произошедших изменений показывает, что в основе их лежит непонимание сути событий, неумении их объяснить и адаптироваться к ним. Процессы общественно-политической жизни России затронули и творчество художественной интеллигенции Сибири. Здесь, однако, поиск новых форм и средств художественной выразительности не носил столь глубокого характера. Увлечение модернизмом зачастую было временным или случайным. И художники, и зрители предпочитали следовать реалистическим традициям в искусстве. Трезвый, реалистический взгляд на жизнь способствовал тому, что сибирская интеллигенция сравнительно быстро преодолела настроения упадка и пессимизма в своем творчестве. В статье рассмотрены примеры влияния декаданса на творчество наиболее известных представителей художественной интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, творчество, революция, декаданс, символизм, акмеизм, футуризм, культура, Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина),
agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), turilak@yandex (Д.Н. Гергилев),
malutina_48@mail.ru (Л.Ф. Малютина)